

КОНТЕКСТ ВСЕДОЗВОЛЕННОСТИ ВО ВРЕМЯ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА

Станислав Мраз

Нарушения права вооруженных конфликтов по определению происходят во время вооруженного конфликта. Однако наличие причинно-следственной связи между вооруженным конфликтом и нарушениями, совершаемыми в его рамках, объясняет эти нарушения не больше, чем обладание мощным автомобилем объясняет превышение предельной скорости, установленной правилами дорожного движения. И все же вооруженный конфликт как таковой, по всей видимости, способствует тому, чтобы его участники проявляли:

- недозволенное поведение (А);
- полную потерю ориентиров относительно пределов дозволенного и недозволенного (В);
- психопатологическое поведение (С).

А. Контекст, благоприятствующий *per se* недозволенному поведению

Тому, кто приобрел опыт насилия, легче совершить его вновь, и оно воспроизводится снова и снова. Так, отмечалось, что в стране, прошедшей через войну, число убийств в течение первых пяти послевоенных лет значительно превышает показатель пяти предвоенных лет.

«Дэйв Арчер и Розмари Гартнер (1984 г.) в своей книге «Violence and Crime in Cross-National Perspectives («Насилие и война в свете сравнительного анализа данных по различным странам») дают детальное сравнение до- и послевоенной статистики по убийствам в 29 странах, принимавших участие в первой и второй мировых войнах. В 19 из них соответствующие показатели за первые пять послевоенных лет были по крайней мере на 10% выше, чем в течение пяти последних довоенных лет. Сравнимого увеличения числа убийств за тот же период в 15 «контрольных» странах, не участвовавших в этих войнах, не отмечалось. Дополнительные исследования показали, что в государствах, понесших более значительные потери на полях сражений, наблюдался и больший рост числа убийств в послевоенные годы, чем в странах, чьи потери были менее тяжелыми»¹.

Этот рост преступности никак не может быть отнесен на счет экономических трудностей послевоенного периода, так как он имел место и в бла-

гополучных странах. То же самое происходит сегодня и в Кувейте².

Несомненно, объясняется это действием множества факторов: явлением мимикрии, утратой моральных ценностей теми, кто пережил войну, трудностями социальной реабилитации бывших фронтовиков, наличием оружия у частных лиц и т. д.

Как бы там ни было, если война стимулирует преступность в обществе, вернувшемся к мирной жизни, это тем более верно во время разгула насилия. Как отмечалось, такое насилие «может стать образом жизни, признанным типом поведения, который санкционирован нравами и обыденной моралью, иными словами, субкультурой. (...) В подобных ситуациях отказ от насилия может считаться противоречащим нормам поведения и осуждаться обществом»³.

Следовательно, насилие заразительно и порождает путем «индукции» проявления насилия со стороны тех, у кого они не отмечались. В результате насилие банализируется, встраивается в общественное сознание группы, становится деятельностью столь же обычной, как и любая другая. Это порочный круг, в котором насилие порождает насилие, а общество постепенно, но все быстрее затягивается в этот водоворот.

Говоря о конфликте в Боснии, один сербский снайпер заявил: «Все, что я умею делать, — это убивать. Я не уверен, что остался нормальным человеком. Я даже не знаю, кто такой нормальный человек. Я могу разговаривать с людьми, но если меня кто-то толкнет, я убью его. Для меня это ничего не стоит. И это ненормально. Когда я что-то делаю, то ничего не испытываю. У меня вообще нет никаких чувств. С моей подругой мы были вместе в течение семи лет, но она ушла от меня. Я ничего не почувствовал»⁴.

Когда это общество находится на стадии войны и уже перешагнуло порог приспособления к каждодневному насилию, переход к незаконному насилию более не является даже простой формальностью, и ничто ему не препятствует. Приведенные ниже свидетельства поучительные в этом смысле.

¹ Lore R.K., Schultz L.A. Control of Human Aggression- A Comparative Perspective. – American Psychologist, Jan. 1993, p. 22. CICR, Rapport d'activite. – 1993. – P.87.

² LeSoir, 3aout 1993.-P.8.

³ Klineberg O. Les causes de la violence:approche psychosociologique.- La violence et ses causes. Paris, UNESCO 1980.-P.120.

⁴ Цит. no Barnes Ed. Confessions of a Serb Sniper.- Time Magazine, March 14,1994. - P.26-27.

В. Контекст, способствующий потере всяческих ориентиров относительно пределов дозволенного

Вооруженный конфликт – ситуация хаоса, беспорядка и такой неразберихи, что все нормы кажутся отмененными, и участникам военных действий становится трудно сохранить понятия о дозволенном и недозволенном, а также не потерять из виду правовые критерии, что не вызывает у них никаких трудностей в обычной мирной жизни. Нижеприведенное интервью американских солдат, вернувшихся из Вьетнама, иллюстрирует эту полную потерю морального чувства и правового сознания. «Вопрос. Давали ли вам когда-нибудь приказ не брать пленных?»

Ответ. Да.

В. Кто вам его отдал?

О. Лейтенант. Командир бригады.

В. И не один раз?

О. Да.

В. И что произошло?

О. Мы не брали пленных.

В. Что вы этим хотите сказать?

О. Мы убивали всех, кого захватывали.

В. Раненых?

О. И раненых тоже.

В. Вы их убивали?

О. Да.

В. Как вы их убивали?

О. Из пистолетов, М-16, пулеметов и закалывали штыками.

В. Даже лежащих раненых?

О. Да, и тех, кто не мог защищаться. Они уже ничем нам навредить не могли, да и вообще были мало на что способны.

В. Вы это видели своими глазами?

О. Я в этом участвовал.

В. Почему?

О. Знаете, наступает момент, когда становишься настоящим зверем и начинаешь действовать инстинктивно, не задумываясь на том, что делаешь.

В. Сколько пленных и раненых вы убили? Можете назвать примерное число?

О. Собственноручно?

В. Да.

О. Я бы сказал, человек двести пятьдесят.

В. Значит, их вы убили сами?

О. Да.

В. А сколько людей убили при вас?

О. Ну, тысячи две или три.

В. В том числе раненых, которых приканчивали?

О. Да, раненых, а еще гражданских, которых убивали вообще неизвестно зачем. Мужчин, женщин, детей, кого угодно».

В том, что произошло во Вьетнаме, нет ничего исключительного. Такие вещи случались и во многих других ситуациях вооруженного конфликта.

Так, говоря о зверствах, которые имели место во время войны в Ливане, один бейрутский психолог склоняется к следующему объяснению:

«Война позволяет реализовать любые фантазии индивидуума. По определению, она устраняет все преграды, все сдерживающие факторы, все запреты, все законы, которые только мешают действовать. Война высвобождает все влечения. Каждый имеет возможность воплотить в жизнь свою «сумасшедшую» мечту, не рискуя подвергнуться ни уголовной, ни моральной санкции»¹.

Значит, война криминогенна по самой своей сути. Она настолько обесценивает все ценности, что создает впечатление отмены всех норм. Воинственное насилие, даже законное, подразумевает ужасы, в которых грань между дозволенным и недозволенным растворяется в некоей совокупности событий. Эти события не воспринимаются как более приемлемые, даже если они законны, и действующие лица не очень хорошо понимают, почему должны существовать какие-то пределы для этого насилия. Как справедливо пишет П. Менэ (P. Mene), французский журналист, проследивший жизненный путь одного ливанца, который принимал участие в конфликтах, раздравших его страну с 1975 по 1990 г., и совершил страшные зверства, «человек не без колебаний ниспровергает вековые законы, гарантирующие общежитие. Но когда он переступает через этот порог, дальше все идет очень быстро. Его действия более не подвержены никакому контролю. Процесс деградации — всего лишь вопрос времени — времени, необходимого для распада общественных и моральных договоров. (...) Так человек расстается с багажом цивилизации»².

Американский лейтенант Келли, привлеченный к уголовной ответственности в США за участие в убийствах гражданских лиц в Ми Лай во время войны во Вьетнаме, пытался оправдаться следующим образом: Кстати, чтобы не забыть, я вообще не знал, что там было у Вьетконга в Ми Лай: отделение, взвод или рота. Мне было известно только то, что по нам оттуда стреляли. А сказал мне об этом вертолетчик...

Страх? Почти все испытывали его, и каждому нужно было его перебороть. То есть Ми Лай – источник этого страха. И все вошли в Ми Лай, стреляя из автоматов. Продвигались «джи-ай» быстро и перебили жителей тоже быстро. Перестрелял.

¹ Mene P. Mene laueurs ont une mere. Paris, La table ronde, 1986. – P.213.

² Ibid. – P.215.

Или забросали гранатами. Или просто закололи штыками: вонзить штык, отбросить тело и снова вперед. Якобы «джи-ай» говорили: «Еще одну галочку поставим», «Ага, еще одним меньше», «Ви-дел, как тот гад сдох?» Нет, я не слышал всего этого. Я только слышал, как Медина все твердил мне: «Давай, давай! Не останавливаться!» И я сам начал повторять: «Не останавливаться! Не останавливаться!»

Нам говорят: «Господи, да ведь это же были старики, женщины и дети». А я на это отвечаю: «Не видел я всего этого. У меня было задание, и я старался его выполнить. Отдавал себе отчет в одном: они — враги. Конечно, я находился на территории Южного Вьетнама и знал, что там есть старики, женщины и дети. Все это — здравый смысл (...)

Теперь Медина говорит: «Нужно руководствоваться здравым смыслом». Только вот не учили меня в учебном подразделении руководствоваться здравым смыслом. Мне говорили: «Делай то!» или «Делай так!» Если бы во время боя Медина мне действительно сказал: «Руководствуйся здравым смыслом», я бы ему ответил: «С удовольствием! Возвращаюсь на Гавай!» Прямо в декабре! А еще меня учили вести плотный огонь по партизанам: из карабинов, гранатометов, пушек, минометов, пулеметов... Ехать во Вьетнам, чтобы сражаться против них, — какой это, к дьяволу, здравый смысл? Однако такова стратегия США. Все время продолжать их отбрасывать. Перебить всех в Ми Лай, пока кто-нибудь не достал свой АК. А мне продолжают твердить: «Да ведь это старики, женщины и дети». Так пусть те, кто это говорит, тоже проявят здравый смысл. И дадут нам пули, которые не причиняли бы вреда старикам, женщинам и детям.

Кстати о детях. На младенцах все прямо помещались. Чуть что, так сразу: «Детки! Маленькие невинные детки!» Мы торчим во Вьетнаме уже десять лет, и, если проторчим еще десять, кто-нибудь из этих деток возьмет да и убьет вашего сына. И будете тогда плакать и говорить мне: «Почему вы тогда этих детей не перебили?» Нет, я не говорю, что нужно убивать детей, но я знал, что это случится. Знал, что, находясь в Ми Лай с 20 тысячами патронов, я не буду стрелять по бумажным мишеням, эти пули достанутся мужчинам, женщинам, детям и младенцам. Бой — это хаос. И не мог я в тот день сказать «джи-ай»: «Вы уж поаккуратней там». Мы там не для того, чтобы их по головке гладить. Не для того, чтобы играть в ковбоев или делать из себя посмешище. Или слушать всяких там, кто нам говорит: «Не делай того, не делай этого!» Мы и не отрицали этого в форте Беннинге, Джорджия. Один сержант, командир отделения во вто-

ром взводе, сказал в своих свидетельских показаниях: «Мы подчинялись при-казам, сэр»...¹

Соответствует ли это свидетельство реальной картине бойни в Ми Лай, сказать трудно, и оно в любом случае не может служить оправданием совершенных там отвратительных преступлений, однако это свидетельство все же подтверждает, что ситуация военных действий сама по себе является криминогенной и обязательно содержит в себе большой риск возникновения эксцессов.

В октябре 1994 г. в Тель-Авиве был совершен террористический акт, в результате которого погибли гражданские лица — более 20 человек. Корреспондент газеты «Тайме» в Дамаске попросил прокомментировать это событие Лахти Шкаки, одного из лидеров палестинской исламской организации «Джихад». Вот что тот сказал в оправдание гибели гражданских лиц:

«Мы приказываем нападать на израильские военные объекты. Хотя мы, палестинцы, противостояем организованному вооруженным силам, наибольшие потери наблюдаются среди гражданских лиц, а не муджахидов. Мы не отдаем приказа нападать на гражданское население, но такое происходит в любой войне»².

П. Менэ беседовал с психиатрами. Он пишет:

«Одно из светил американской психиатрии, профессор Джон П. Фейнер из Фейне-ровейого исследовательского института в Ла Месе (Калифорния), был очень откровенен. По его мнению, в условиях насилия возможно все. Тут имеет место возврат к инстинкту полного уничтожения, который в свое время пережили все народы, от нацистской Германии до сталинского СССР, и в том числе маоистский Китай и США в своем антикоммунистическом крестовом походе во Вьетнаме. Он говорит задумчиво:

– Двадцать миллионов китайцев, уничтоженных в ходе культурной революции, вернее, уничтоженных другими китайцами, такими же, как они сами. Тысячи исчезнувших аргентинцев, которых пытали и убивали такие же аргентинцы. Почему? Когда преступление становится законным, человек способен на все.

– Вы смогли бы быть Марваном [ливанский боевик, герой репортажа]? А я мог бы им стать?

– Несомненно. Ведь а priori процент убийц в Ливане не больше, чем в других странах. Именно обстоятельства сделали из обычных людей убийц.

Профессор Сэмюэл Гершон, известный психиатр из детройтского Уэйн Стэйт Университи, при-

¹ Lieutenant Calley : His Own Story. 1970, цит. по J. W. Baird (ed.). From Nuremberg to Mylai. London, D.C. Heath and Company, 1972, pp/221 s.

² Times. February 6, 1995.

держивається аналогічних взглядов. Сначала он внимательно слушает (...), а затем говорит о существовании «у индивидуума ужасного инстинкта уничтожения». Он допускает, что у Марвана нет выбора, что ему необходимо занять чью-то сторону и что тут налицо явление мимикрии»¹.

С. Контекст, благоприятствующий психопатологическому поведению

Вооруженный конфликт подталкивает к проявлению примитивных и животных типов поведения, которые, очевидно, можно квалифицировать как психопатологические. Речь идет о нездоровом и садистском поведении, а также о мести. Примеры, которые мы приведем ниже, иллюстрируют эти типы поведения.

1. Нездоровое поведение

Показания французского военнослужащего, который служил в Алжире и участвовал в пытках:

«А этот, кажется, не поддается никакому физическому и моральному давлению. Он оскорбляет нас по-арабски и старается достать нас прицельными плевками. И удары ногами, ни удары кулаками не ослабляют его сопротивления. Даже при допросе с применением электричества он продолжает вести себя нагло, что сильно нас нервирует. Инсценировка казни вызывает у него лишь презрительную ухмылку.

Впервые за долгое время я испытываю настоящую ненависть к этому человеку, который бравирует перед нами своей честностью. А мы любим заставить покричать убийц вроде него, чтобы они громко каялись под ударами. Чтобы они признавались во всем и просили пощады»².

Тот же палач далее рассказывает:

«Я в одиночестве брожу по лагерю, поглядывая в сторону тех, кто входит и выходит из офицерской столовой, и думаю о новой порции алкоголя. Вдруг из камер, присмотр за которыми ослабел, доносится пение. Явная ностальгия, которая в нем слышится, приводит меня в ярость. Одним рывком я пересекаю двор и открываю первую дверь – А ну заткнись! Заткнись!

Я повторяю и повторяю эти слова, чередуя их с ударами по лицу. Заключенный пытается прикрыться согнутыми руками. Тогда я целюсь ему в живот, он открывает лицо, и я продолжаю его молотить. Он падает на пол, а я все продолжаю его бить. Когда устав, я выхожу из камеры, громко хлопнув дверью, из соседних камер не слышно ни звука»³.

Еще одна цитата:

«Вообще, битье — дело удивительное. Начи-

наешь с пощечины, чтобы, так сказать, привлечь внимание. За первой пощечиной следует другая, а затем приходит злость. С каждым следующим ударом злость переходит в ярость, и бить начинаешь с каким-то слепым остервенением, не осознавая более, что делаешь. Это состояние полного озверения трудно описать. Жутко неприятно осознавать, что можешь становиться таким, но это все-таки происходит. Такое случается не только со мной, но и с другими моими товарищами, которые участвовали в допросах»⁴.

Марван, мусульманский ливанский боевик, рассказывает о своих ощущениях во время боя:

«Раз! Удар в живот. Потом по почкам. А затем в лицо. Хрясь! В горло! Думать и колебаться некогда. Каждый удар приближает к победе, придает уверенности, отдаляет смерть. Противник падает, я переступаю через него и ищу следующего. Я его дразню, кричу: «Давай сюда, красавец. Поговорим!» Сердце готово выскочить из груди. (...) Дух захватывает! Я ничего не вижу вокруг, не помню, кто я, не знаю, кто передо мной. Мы - животные, да, точно, дикие звери. Испытываешь какое-то запредельное возбуждение. Кругом рев. Отсчет времени ведется на секунды. Повинуешься только инстинктам. Действуешь без участия воли, как автомат. Все вертится вокруг одной мысли: «Ты должен его порешить! Ты должен!» Какое-то сплошное мелькание. Ничто в жизни с этим не сравнится. Убивать в упор. Всаживать нож в уже мертвое тело, которое наваливается сверху, забрызгивая тебя кровью. И уже пора заниматься следующим. Вот так все и получается: это ловушка. Никакого умысла тут нет. Просто – смерть на конвейере. Думаешь о себе, а не о мертвецах. Лишь бы выжить! Лишь бы выжить! (...)

Никакая другая ситуация не может сравниться с этим, ибо в человеке сильнее всего желание бороться со смертью, выйти победителем из схватки, один из участников которой должен умереть. Это как любовь, только, конечно, гораздо интенсивнее. (...) Мне хотелось сказать себе (...): «Я выжил, я выиграл, ай да я!» Для меня ничто уже не будет, как раньше. Отныне я из породы воскресших мертвецов. Страха я больше испытывать не буду никогда. И ничто не вызовет у меня ужаса. Я теперь способен на все, в том числе на худшее, а всякие там сдерживающие факторы, угрызения совести или понятие морали для меня не существуют»⁵.

2. Садистское поведение

Вот свидетельство американского солдата, вернувшегося из Вьетнама:

«Однажды патруль привел пленного. Он был ранен. Солдаты бросили его на землю и сгрудились во-

¹ Meneу, op. Cit., p. 221.

² Цит. по Vittori, op.Cit.-P.94-95.

³ Ibid.-P.178.

⁴ Ibid. - P. 144-145.

⁵ Цит. по Meneу, op. Cit. - P.142-144.

круг него. Сержант крикнул: «Ну, ребята, кому охота прибить косоглазого?» Пленный знал всего два слова по-английски – «Женевская конвенция» – и, не переставая, повторял их. Он был очень молод. Может, он и был вьетконговцем. Солдаты начали в него стрелять. Сначала целились вокруг него, а затем стали попадать в ноги. Никому не хотелось его добить, но в конце концов кто-то это сделал»¹.

Другой американский солдат, тоже вернувшийся из Вьетнама, рассказал следующее: «...Они заставили девушку снять штаны, вставили ей во влагалище провод и присоединили его к аккумулятору. Ей было так больно, что она даже не могла говорить. Кстати, я не думаю, что допрашивавшие ее действительно хотели получить какие-нибудь сведения. Все, что им было нужно, это позабавиться с ней»².

Объяснение подобных эксцессов кроется и в этом случае в контексте их совершения. То, что было сказано выше, применимо и к этим формам поведения. Добавим все же более «психологическое» объяснение, приведенное П. Менэ. Оно позволяет оценить степень деградации личности в результате войны.

«Д-р Хубалла напоминает о поведении ребенка, когда в семье появляется еще один ребенок:

– Ему хочется избавиться от этого непрошеного гостя. Он мешает жить, ставит под вопрос его статус, безопасность, спокойствие и привилегии. Гражданская война воспроизводит эту основополагающую семейную схему. Она ощущается как конфликт между братьями. Так что каждый из нас пережил свою гражданскую войну. Чаще всего она направляется в определенное русло, нейтрализуется властью отца в семье или властью государства на уровне нации. Однако если базовая ячейка распадается, начинается процесс деградации, который уже не остановить. И никто не сможет сказать, к чему он приведет».

Интересно отметить также, насколько формы поведения, описанные здесь, схожи с поведением правонарушителей-психопатов: то же отсутствие уважения к себе и то же овеществление других. А. Сторр пишет:

«Психопат словно объявляет своим поведением: «Плевать мне на всех, да, плевать, раз всем на меня наплевать». А раз он считает, что никто его не ценит, то он мало что теряет в результате антиобщественного поведения (...). Лишение общественного одобрения ничего не значит для человека, который никогда не чувствовал, что его имеет.

Кроме того, психопату не удалось развить в себе способность идентифицировать себя с дру-

гими, которая является коррелятом аффективной зависимости, и это означает наличие у него сильной тенденции видеть в других скорее вещи, чем человеческие существа. Другие люди воспринимаются им либо как препятствия на пути достижения своих целей, либо как средство их реализовать. Он не склонен к установлению межличностных отношений и не воспринимает другого человека как подобное себе существо, с которым можно общаться на равных.

Так что психопаты способны обращаться с другими людьми, как большинство из нас обращаются с надоедливой осой»³.

Это безразличие к другим еще более усиливается в условиях вооруженного конфликта, поскольку «другими» является не общество вообще, а неприятельские вооруженные силы, и, следовательно, поведение военного преступника может допускаться и даже одобряться членами группы, к которой он принадлежит. А. Сторр пишет также:

«Таким образом, психопаты не избирают того или иного конкретного человека или группу в качестве объекта враждебности, как это бывает у шизофренических параноиков, – их переполняет враждебность ко всем без исключения, и потому они легко обучаются тому, чтобы испытывать наслаждение от жестокости. Возможно, некоторые охранники-садисты в концентрационных лагерях были психопатами, принявшими идею, согласно которой евреи являются «недочеловеками», и охотно пользовались возможностью вести себя как садисты, – так же, как ребенок, который может научиться получать удовольствие, мучая животных»⁴.

3. Поведение, продиктованное местью

Мечь является классическим и мощным побудительным мотивом нарушений права вооруженных конфликтов.

Генерал СС Строоп говорил по поводу эпизода уничтожения варшавского гетто: «Мы нашли в бункере человек триста евреев и евреек с детьми. Это были люди богатые, которые раньше пользовались большим влиянием и имели связи. И сам этот бункер, и то, что они проявили такую сообразительность, заставили нас сначала как-то оробеть. Потом мы их за все заставили дорого заплатить – и за ум, и за ту нашу робость».

А вот свидетельства нескольких американских солдат, воевавших во Вьетнаме: «Не знаю, должен ли я об этом рассказывать, но дело в том, что однажды я своими руками убил нескольких пленных. В бункере... После того как убили моего друга, я был сам не свой. Меня отправили на пси-

¹ Цит. по Lane, op. Cit. – P. 104.

² Ibid. – P. 196.

³ Storr A. Human Aggression. Pelican Books, 1970. – P. 145.

⁴ Ibid. – P. 145-146.

хиатрическое лечение. Сказали, что это простая усталость от боев и шок от того, что друга убили на моих глазах. И что вообще такое случается довольно часто»¹ (...)

«[Пленные] стояли на коленях с руками, связанными за спиной. А мы их толкали. На руки они опереться не могли и легко падали. И так много раз. Во время допроса они стояли на коленях, и нередко – ну, вернее, мне случалось видеть, как их били кулаками и ногами. Мне сказали, что такое происходит еще чаще после особенно жестокого боя, где американцы понесли потери. Тогда допрашивающим не до нежностей, и это сказывается на методах допроса»². (...)

«Однако самое важное, что следует сказать по поводу центра дознания, это то, что в период, последовавший за первым наступлением во время Тэта [вьетнамского Нового года] (...) и майскими наступлениями, около или более 2 тысяч были казнены в центре. Несомненно, в порядке репрессалий или чтобы сохранить репутацию после потерь, понесенных во время новогоднего наступления»³. (...)

«А для маленьких детей у нас были синие таблетки, предназначенные для разогревания брикетов с питанием. Внешне они очень походили на конфеты. Если их зажечь, то пламени нет, но нагреваются они до очень высокой температуры. Так вот, мы их зажигали и бросали детям. Подбирая их, они обжигали себе руки. (...) Мы все так делали, потому что после возвращения из Ке Сана, где полегло столько наших ребят, я видеть не мог вьетнамцев. Ну, как если бы я решил быть злым. Если на улице я встречал старика или старуху, я обязательно их обыскивал и бил прикладом или приказывал следовать дальше, или требовал предъявить документы, а тех, у кого документов не было, а не было их у многих, пристреливал»⁴.

А вот что Марван рассказывает о битве при Бамдуне в Ливане между сирийскими войсками и палестинскими боевиками, среди которых он находился:

«Эта битва изменила течение моей жизни. (...) С тех пор я уже не мог жить, как раньше. После такого остается ярость, жажда мести, какая-то общая ненависть. Ненавидишь всех: тех, кто там был, тех, кто тебя туда послал, но еще больше – тех, кто там не был. После такого не может быть ни жалости, ни прощения. Мы перешли ту грань, за которой нет возврата. Мы все делали и все видели, так что снова сможем все сделать и все увидеть, не испытывая ни малейшего волнения. Выживший –

мертвец с отсрочкой, которому все безразлично и все дозволено. У него в голове засела одна мысль – заставить заплатить других».

Даже высокопоставленные политические деятели, похоже, недалеко от того, чтобы допустить поведение, продиктованное чувством мести. На вопрос, касающийся нарушений прав человека, совершенных в Хорватии в отношении сербов во время нынешнего конфликта в Югославии, д-р Скрабало, хорватский министр иностранных дел, ответил: «Конечно, были перегибы. Но не забывайте, ведь это война. Если бы на ваших глазах убили всех членов вашей семьи, вам бы тоже захотелось за них отомстить. Знаете, после Второй мировой войны 48 тысяч коллаборационистов были казнены во Франции без надлежащего демократического судебного разбирательства».

* * *

Острые противоречия между государствами или между властями и населением могут вылиться в вооруженный конфликт, а такая ситуация является потенциальным источником нарушений права, которое к ней применяется. Однако это не означает, что все ситуации вооруженного конфликта приводят к нарушениям права. Свидетельство, которое мы приведем ниже, доказывает это. Немецкий капитан арестовывает французского военного врача, выхаживающего раненых, который имеет при себе пистолет. О том, что произошло затем, рассказывает врач:

«Я попытался объяснить ему, что в нашей армии, как и в германской, врачам, в соответствии с Женевской конвенцией, разрешается ношение оружия, предназначенного для обороны, но он меня все время перебивал, и стало ясно, что он меня просто не слушает. Затем он приказал мне идти вперед, а сам пошел за мной. Когда я оказался в дверях, он приказал мне посмотреть в окно. Я повернулся к окну, а он приставил ствол моего револьвера к моему левому виску. Поняв, что он хочет меня погубить, я решил держаться спокойно. Кроме того, револьвер стоял на предохранителе, барабан проворачивался, а выстрела не было. В конце концов я повернулся к капитану, чтобы спросить, долго ли еще будут продолжаться эти дурацкие шутки, и при этом сделал, довольно резкое движение головой. И тогда раздался выстрел. Пуля вошла за правым ухом, а вышла над правым глазом. Шрамы от этих двух ранений вы можете видеть. Я упал на пол как подкошенный. Из рта у меня хлынула кровь, казалось, что пришел мой смертный час. Бсковым зрением я увидел, что немец продолжает в меня целиться. «Не двигаться!» – приказал он мне. Я решил, что он меня прикон-

¹ Цит. по Lane, op. Cit. – P.99.

² Ibid. – P.178

³ Ibid. – P.180.

⁴ Ibid. – P.77.

чит, но тут услышал спор на повышенных тонах. Другой немецкий офицер, тоже с пистолетом в руке, спросил, очень ли мне больно. И воскликнул: «Мы совершили постыдный и недостойный поступок!» Он поднял меня, усадил на стул и вызвал майора. Последний выразил мне свои сожаления. Затем они приказали моим санитарам с носилками доставить меня к капитану де Ля Лоранси. На следующий день несколько немецких офицеров и военных врачей пришли меня проведать и принести свои извинения. В тот же день в качестве военнопленного я был переведен в Фонтэ, а оттуда меня отправили в Мец, где мне был обеспечен очень хороший уход»¹.

Это свидетельство тем более интересно на фоне сотен других, которые выглядят как настоящая антология ужасов: добивание раненых, хладнокровные убийства гражданских лиц и военнопленных, сцены пыток и т. д. Оно показывает, что ситуации столкновения не обязательно приводят к нарушениям права вооруженных конфликтов, что есть многочисленные примеры соблюдения его норм.

Следовательно, если одна и та же ситуация может вызвать различные формы индивидуального поведения, это доказывает, что макросоциологических факторов недостаточно для объяснения таких нарушений. Здесь следует учитывать и индивидуальные факторы.

Список использованной литературы:

1. Alfaro R.j. Question of International Criminal Jurisdiction, Ybk. Of the Int. Law Comm, 1950, II. – P.3.
2. Camus A. Létranger. Paris, Gallimard, Folio, 1957. – P.188.
3. David E. Mercenaires et volontaires internaux en droit des gens. Ed. De l'Univer. De Bruxelles, 1978. – P.121-124.
4. David E. Droit des organisations internationales. Presses de (Université de Bruxelles, 1992-1993. – P.161-185.
5. David E. Principy pravá vooruzenných konfliktov, Moskva, 2000.
6. Geisbachová, D. Vojenské humanitárne právo, 1998, Bratislava.
7. Hobza, A. Pohled do mezinárodního práva válečního, 1946, Praha.
8. Hobza, A. Úvd do mezinárodního práva válečního, 1935, Praha.
9. Hobza, A. Dokumenty ke studiu mezinárodního práva, 1931, Praha.
10. Potočný, M. Vybrané dokumenty ke studiu mezinárodního práva, Svoboda, 1986, Sv. V. Praha.
11. Salmon, J. Lingtention en matière de responsabilité internationale, Melanges Virally, Paris, Pédone, 1991. – P.422.
12. Salmon J. La place de la faute de la victime dans le droit de la respansabilité internationale, Mélagés Ago. Milano, Fiuffre. – P.385.
13. Sandoz Y. Les dommages illicites dans les conflicts armés et leur reparation dans le cadre du droit interantional humanitaire, RICR, 1981. – P.146-147.
14. Citát zGanshal van der Meersch WJ.MrJustice Jackon, uniateur de la justice internetionale pénale et le procès deNurimberg, Revue de l'ULB, 1961, n 1. – P. 58.
15. Menten case, neth. Sivr. Crt, 13.01.1981, NYIL, 1983. – P. 403.
16. Netherlands Special Crt. Of Class, 12.01.1949,AD, XVI. – P. 542.
17. Ohlendorf case, US.Milit.Trib., Nuremberg, 10.04.1948, AD, 15,661.
18. The Problem of the Revision of the law of the War – BYBIL, 1952, pp. 360 a 382.
19. Ženevské konvencie a Dodatkové protokol., Perex K+K, Úrad Slovenského výboru ČK, 1992, Bratislava.

---

¹ Deposition n 233 faite a Paris le 17 janvier 1915 in Rapports et proces-verbaux d'enquete de la Commission instituee en vue de constater les actes commis par l'ennemi en violation du droit des gens (decret du 23 semtembre 1914). Paris, Imprimerie nationale, 1916, III.– P.161-162.